

Nana Ryabova

СЕРДЦЕ ВО ТЪМЕ

УДК 82-312.9
ББК 84-445

Ryabova N.

Сердце Во Тьме / Nana Ryabova – М.: Литнет, 2026. – 344 с.

ISBN 978-5-521-99160-0

Она была его проклятием. Он — ее спасением. Их любовь перепишет законы мироздания. Элиана, простая смертная с тенью древнего рода в крови, входит в заколдованные стены усадьбы Блэкторн в качестве последней надежды на спасение. Но вместо смерти ее ждет Каэлан — демонический владыка дома, чья душа скована древним договором, а взгляд опаляет душу. Блэкторн — не просто дом, это живой организм, питающийся болью и грёзами, и он выбрал Элиану. Их страсть вспыхивает как адское пламя, нарушая вековые запреты и пробуждая древние сущности. Чтобы защитить свою новую семью и не рождённого ещё сына, Элиане предстоит принять тёмное наследие Блэкторна и слиться с ним. Но цена власти оказывается ужасной: каждый шаг к силе отдаляет ее от человечности, пробуждая голод, который не утолить одной лишь любовью. Путь от жертвы к Императрице Теней лежит через договор с самим мраком, где ставка — не просто жизнь, а душа. Это история о любви, способной бросить вызов вечности, и о тьме, которая может быть как проклятием, так и величайшей силой.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99160-0

© Литнет, 2026
© N. Ryabova, 2026

Пролог

Ветер на затерянном побережье Северной Шотландии не просто дул – он выл. Его голос, пронизывающий до костей, был сплетен из древних песен о кораблекрушениях и стонов потерянных душ. Он швырял в лицо ледяные брызги соленой воды, словно слезы тех, кто нашел свой конец в черной, безжалостной пучине у подножия утесов. Он был не просто стихией; он был первым стражем, живым и дышащим предупреждением для любого, кто осмелится нарушить покой Усадьбы Блэкторн.

А сам дом... Он стоял на самом краю света, на скале, изъеденной временем и ветром, как гнилой зуб, впившийся в воспаленную, багрово-сизую десну неба. Его готические шпили, острые как бритва, не просто пронзали низкие, свинцовые тучи – они, казалось, с наслаждением рвали их в клочья, и из ран на землю проливался холодный, пронизывающий дождь. Стены, сложенные из черного, отполированного дождями и веками камня, поглощали не только солнечный свет, но и саму надежду, обращая ее в прах и тлен. Воздух вокруг был густым и тяжелым, пахнущим влажным камнем, прелой листвой и чем-то еще... чем-то медвежьим, сладковатым, словно аромат увядающих лилий на давно заброшенной могиле.

Местные, с их лицами, высеченными ветром из старого дерева, шептались в темноте пабов, затушевывая свои страхи виски. Они говорили, что земля, на которой стоит Блэкторн, проклята еще со времен друидов, что сам камень здесь стонет по ночам, а в полнолуние из-под земли просачивается туман, принимающий формы тех, кто когда-то сгинул в этих стенах. Они обходили это место за много миль, крестясь и бормоча заклинания, старые как сами холмы.

Но для Элианы Локхарт все эти истории были лишь шепотом

прошлого. Для нее, с ее душой, израненной городскими огнями и предательством, пахнущим дешевым одеколоном, Блэкторн был не проклятием. Он был убежищем. Последним пристанищем, унаследованным от незнакомой тетушки, чье лицо она едва могла вспомнить.

Стоя у массивных, почерневших от времени дубовых ворот, она не чувствовала страха. Лишь ледящую дрожь предвкушения. Ветер играл прядями ее черных волос, выбившихся из строгой прически, и она откинула их со лба длинными, изящными пальцами. Ее глаза, цвета весенней мишуры, слишком большие и глубокие для этого бледного, уставшего лица, скользнули по фасаду, выискивая жизнь в слепых окнах, похожих на пустые глазницы. Она чувствовала тяжесть ключа в кармане плаща – старинного, железного, холодного, как поцелуй смерти. Он ждал. Дом ждал.

«Убежище», – снова мысленно повторила она, заставляя себя поверить в это.

Но глубоко внутри, в самом потаенном уголке ее существа, где прячутся первобытные инстинкты, что-то шевельнулось и замерло. Что-то холодное и липкое, как паутина. Это было не убежище. Это была ловушка. И самая страшная ошибка в ее жизни только начинала разворачивать свои лепестки, черные как ночь и пахнущие грехом. Дверь в ее прошлое захлопнулась, а эта, перед ней, вот-вот откроется. И за ней ее ждало не тихое одиночество, а нечто, что дышало, желало и наблюдало за ней из густой тьмы зазеркалья.

Глава 1. Приют в Пасти Тьмы

Колеса ее старого «Ягуара» с хрустом, напоминающим ломающиеся кости, продавили хрупкий гравий подъездной аллеи. Это была не дорога, а шрам, гноящаяся рана, зияющая на теле спящего леса. По обе стороны ветви столетних дубов, скрюченные агонией веков, тянулись к земле, как костлявые руки утопленников, молящих о пощаде. Они сплетались над головой в зловещий, плотный туннель, почти не оставляя просвета для умирающего света. Свет фар, жалкие лучи в этом царстве тьмы, выхватывал из мрака призрачные очертания гигантских папоротников, покрытых холодной, словно слезы мертвеца, росой. Воздух был густым и влажным, обволакивающим, как саван. Он пах прелой листвой, влажной, почти живой землей, и чем-то еще... чем-то металлическим, словно сталь и озон после грозы, с едва уловимой, сладковатой ноткой разложения.

Элиана выключила двигатель. Звук затих, и тишина обрушилась на нее не как отсутствие шума, а как живое, дышащее существо. Она была оглушающей, давящей, пульсирующей в такт собственному бешеному сердцу. Это был шепот – не листьев, а самого дома. Скрип древней древесины, похожий на стоны, отдаленные, шаркающие шаги наверху, которых не могло быть, едва уловимые шорохи за спиной, от которых по коже бежали ледяные мурашки, заставляя сосцы напрягаться под тонкой тканью блузки. Она глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в длинных, изящных пальцах, все еще сжимавших ключ зажигания. Ее отправили сюда под чужим именем, как хранительницу этих проклятых камней, но с каждой секундой она все яснее чувствовала себя марионеткой, чьи нити держала невидимая, могущественная рука, готовая в любой миг дернуть их, сломав ей хребет.

Сама Элиана была воплощением той хрупкости, которую

так жадно пожирает тьма. Ее фигура – тонкая, почти воздушная талия, за которой следовали соблазнительные, плавные изгибы бедер, – казалось, была создана для того, чтобы за нее держались в пылу страсти или ломали в приступе ярости. Длинные волосы цвета воронова крыла, тяжелые и густые, как ночь, волнами спадали на ее спину, оттеняя фарфоровую, почти болезненную бледность кожи. Но в этой хрупкости таилась сталь. Сталь – в ее глазах. Глазах цвета первой весенней листвы, ярких и ясных, словно два отполированных изумруда, затерянных в снегу. В них плескался отблеск неугасимого внутреннего огня, упрямства и той самой незаживающей раны, что загнала ее в это гиблое место – тень трагедии, унесшей ее семью и оставившей лишь горсть пепла и вопросы, от которых кровь стыла в жилах.

Она вышла из машины, и холодный, влажный воздух обжег ее щеки, словно поцелуй призрака. Подняв воротник пальто, она подошла к массивной дубовой двери, украшенной сложной, пугающей резьбой: существа с когтями и клыками, опутанные ветвями плюща, чьи цветы больше походили на запекшиеся капли крови, стекающие по дереву. Дверь была не заперта. Со скрипом, от которого заныли зубы и сжалось все внутри, она отворилась, впуская ее в зев чудовища.

Пахло пылью веков, прогнившим деревом и... ладаном. Слабый, но устойчивый, навязчивый аромат, словно кто-то недавно, отчаянно пытался очистить воздух от невидимой скверны, забить ею дьявольское зловоние. Прямо перед ней зияла пустота просторного холла, поглощающая свет из открытой двери. Высокий потолок терялся в клубящихся тенях, с которых свисали гигантские паутины, украшенные, как жуткие кружева, бусинами конденсата. По стенам, обшитым темным, почти черным деревом, висели портреты предков – мужчины и женщины с бледными, надменными лицами и глазами, полными холодного, нечеловеческого высокомерия. Их взгляды, масляные и живые, провожали Элиану, скользя по ее спине, по изгибу шеи, по округлостям груди ледяными, похотливыми пальцами.

Она осторожно сделала шаг вперед. Скрип половиц под ее каблуками прозвучал, как выстрел в гробовой тишине, эхом разнесся по залу, призывая что-то спящее.

И тут тишина взорвалась.

Не звуком, а присутствием. Оно пришло не извне, а изнутри, рождаясь в самой сердцевине ее сознания, в самых потаенных уголках ее тела – тяжелое, древнее, всепоглощающее. Волна чужого сознания, темного и могучего, как океанская глубина, накатила на нее. Она была физической, осязаемой. Элиана почувствовала, как по ее коже пробежал разряд электричества, от которого заныли соски и сжалось низ живота – невыносимое, запретное напряжение смеси ужаса и странного, извращенного возбуждения. Ее отбросило к холодной стене, сердце бешено заколотилось в груди, громко, как барабанная дробь перед казнью. В висках стучала кровь, а в ушах стоял оглушительный гул.

И тогда, сквозь этот гул, прорвался голос. Не звук, а вибрация, пронизывающая каждую клеточку, сотканная из тьмы и шепота столетий. Он был низким, бархатным, как сама ночь, и в нем таилась опасность, от которой перехватывало дыхание и предательски теплоло между ног.

«Наконец-то... Я ждал. Долго ждал. Моя хранительница. Моя погибель. Моя... Элиана».

Она вскрикнула, но звук застрял в горле. Это было не в комнате. Это было внутри нее. И он знал ее имя. Настоящее имя. Игра началась. И ставкой в ней была ее душа.

Голос прозвучал не в ушах, а прямо в ее черепе, обволакивая сознание, как плющ обвивает гробницу. Низкий, бархатный, с примесью шипящего шепота, словно чешуя скользит по влажному камню в глубине склепа. В нем не было прямой угрозы. Было нечто более пугающее – холодное, всевидящее любопытство, подобное взгля-

ду хищника, который рассматривает новую, изящную диковинку в своей клетке, прежде чем решить: играть с ней или разорвать.

Элиана не смогла ответить. Горло сжал спазм, пересохший от древнего ужаса. Она не просто слышала его. Она *чувствовала* его. Чувствовала каждую частицу этого чужеродного присутствия. Оно было повсюду – в самом воздухе, который стал густым и тягучим, как сироп, в стенах, впитывающих ее страх, в ледяной пыли под ее ногами. Оно было самым домом, его каменным сердцем и темной душой.

Из глубины коридора, тонувшего во мраке, где тени двигались сами по себе, послышались шаги. Медленные, размеренные, полные нечеловеческой, хищной грации, словно крупный зверь, крадущийся по своему владению. Элиана замерла, не в силах пошевелиться, прикованная к месту тем самым парализующим страхом, что обращает добычу в безмолвный, трепетный комок плоти. Из тени, которая сгустилась и отлила маслянистым блеском, возникла фигура.

Он был высок, под два метра, и его плечи, широкие и мощные, казалось, заполнили весь дверной проем, отбрасывая на нее огромную, поглощающую свет тень. На нем был простой, но безупречно сшитый черный камзол из тончайшей шерсти, обтягивающий торс, будто вторая кожа, и откровенно подчеркивающий рельеф мощной грудной клетки, плоского живота и узких, почти женственных бедер. Но ее взгляд, завороченный и ужасный, приковало к его лицу.

Оно не было человеческим. Или было, но боги, лепившие его, сошли с ума, решив создать нечто совершенное, отталкивающее и порочно прекрасное одновременно. Черты его были резкими, высеченными будто из мрамора самим Микеланджело для его самых демонических творений: высокие, точеные скулы, сильный, волевой подбородок с едва заметной ямочкой, губы – тонкие, изогнутые в едва уловимой усмешке, обещавшие как невыразимую нежность, так и бездну жестокости. Но кожа... Кожа была бледной, как у утопленника, мертвенно-фарфоровой, и по ней, от висков, вдоль резко очерчен-

ных скул и дальше, под низкий воротник, тянулись причудливые, извивающиеся узоры. Они были похожи на древние, запретные руны или шрамы от темной магии, вписанные в самую плоть. Они не были нарисованы – они будто пульсировали изнутри, мерцая при скудном свете едва заметным, фосфоресцирующим серебристым свечением, словно иней на могильном камне в лунную ночь.

И его глаза. Боже, его глаза. Они были цвета расплавленного золота, горячего и жидкого, с вертикальными, как у крупного хищника, зрачками. В них не было ни капли человеческого. Только бесконечная, хищная мудрость, тоска, прошедшая сквозь тысячелетия, и пожирающий, не скрываемый интерес... к ней. К ней, ее плоти, ее страху, ее душе.

Он остановился в паре шагов, и Элиана почувствовала исходящее от него волнами тепло. Противоестественное, обжигающе-притягательное. Оно обещало безопасность и гибель в одном флаконе, согревая ее заледеневшую кожу и заставляя кровь бежать быстрее, пробуждая в низу живота тот самый, постыдный, опасный трепет.

– Я Каэлан, – его голос, на этот раз звучащий в реальности, был подобен старому, выдержанному виски и черному шелку, обернутому вокруг отточенного лезвия. Он скользнул по ее коже, заставляя каждый нерв трепетать в странном предвкушении. – Хозяин Блэкторна. А ты... – Его золотой взгляд, тяжелый и физически осязаемый, медленно, с нескрываемым наслаждением, скользнул по ее лицу, обнаженной шее, задержался на округлостях груди, подчеркнутых корсетом, будто раздевая ее, лаская и угрожая одним лишь взглядом. – Ты новая птичка, залетевшая в мою клетку. И какая же ты хрупкая... и прекрасная.

Он протянул руку, но не чтобы дотронуться. Его длинные, изящные пальцы с острыми, идеально очерченными ногтями, похожими на когти, повелительным жестом указали на сумку, выпавшую у нее из ослабевших пальцев.

– Твои покои наверху. Второй поворот направо. Последняя

дверь в конце коридора. – В его глазах, этих золотых озерах тьмы, вспыхнула аморфная, опасная искра, и уголок его грозных губ дрогнул. – Не заблудись. Ночью... дом становится другим. Он дышит. И он не всегда гостеприимен к незванным гостям. Особенно к таким... сочным.

Он повернулся, и его плащ из невесть какой темной, поглощающей свет ткани взметнулся, скрыв его от глаз, будто растворившись в тени, из которой и появился. Но его присутствие осталось. Оно заполнило собой всё, плотное, осязаемое, живое, давящее на грусть и щекочущее нервы.

Элиана, все еще дрожа, но уже от смеси ужаса и какого-то дьявольского возбуждения, подняла сумку. Последний луч угасающего дня, кроваво-красный, пробился сквозь грязное окно и упал на стену напротив, выхватив из мрака огромное, покрытое паутиной и трещинами зеркало в позолоченной, облупленной раме. Она посмотрела в него и застыла, кровь стыну в жилах.

В отражении она была одна. Совершенно одна в этом гигантском, пустом холле. Ее собственное отражение – бледное, с огромными испуганными глазами.

Но в самой глубине стекла, в самом его сердце, за слоем серебра и времени, она увидела движение. Две точки расплавленного золота, горящие в темноте, как угли в пепле, пристально, неотрывно смотрели на нее. Они были не снаружи. Они были *внутри* зеркала, в том самом мире, куда не должна проникать жизнь.

И в тот же миг в ее разуме, в самой глубине ее существа, снова прозвучал тот же бархатный голос, на этот раз с едва уловимой, ледящей душу и одновременно возбуждающей ноткой наслаждения и обладания:

«Добро пожаловать домой, Элиана. Игра началась. И я так ждал партнера... достойного меня».